

ИВАН ГАВРИЛЕНКО,

*доктор философских наук, профессор кафедры
отраслевой социологии Киевского националь-
ного университета имени Тараса Шев-
ченко*

Социальные (исторические) движения в контексте социологических подходов

Abstract

The author analyzes social (historical) movements from various sociological points of view, like positivist, behaviorist and functional ones. There are also discussed the resource mobilization concept and the radical-class approach to the mass movements. The specific features of the "totalitarian movements" so characteristic of the mass society are described. The author represents social movements as a kind of the conflict-consensus interactions.

Социальные (исторические) движения в развитом индустриальном (а тем более в постиндустриальном) обществе постепенно вытесняют традиционные формы конфликтно-консенсусного взаимодействия: классовую борьбу, этнически-территориальные и религиозные конфликты. К сожалению, в отечественной социологии эта тема не только теоретически не разрабатывалась, но и вообще оставалась вне поля зрения. В контексте марксистской традиции, в силу отсутствия четкого определения, в лучшем случае под социальными движениями (речь шла только о рабочем или международном коммунистическом движении) понимали нечто более масштабное и комплексное, нежели классовая борьба. Между тем, в современном украинском обществе имеют место именно социальные движения (молодежное, экологическое, женское, национально-патриотическое и др.), что вызывает необходимость теоретического анализа их сущности, форм проявления, влияния на ход социальных процессов. В зарубежной социологии, где эта проблема традиционно находится в центре внимания, разработан ряд конкурирующих концепций, ознакомление с которыми, надеемся, даст возможность украинским социологам избежать неоправданных повторений и досадных ошибок.

Массовые движения как разновидность “коллективного поведения”

Это направление формировалось в рамках “психологии толпы” Г. Лебона и чикагской школы социологии (Р. Парк, Г. Блюмер, Р. Тернер, Л. Киллиан и Т. Парсонс). Своювершенную форму оно получило в работе Н. Смелзера “Теория коллективного поведения” [1].

От Г. Лебона здесь заимствовано предвзято-агрессивное отношение к любым массовым выступлениям как стихийным, разрушительным и патологическим по своей сути. Чикагская школа раскрыла их преимущественно урбанистический характер, рассматривая как естественное следствие функционирования массового индустриального общества. Т. Парсонс предложил принципы их структурно-функционального анализа. От бихевиоризма была унаследована идея об аномальности массовых выступлений как естественном ответе отдельных общностей на ненормальные обстоятельства их существования. В результате всех этих заимствований и синтезов теория массовых движений как специфической разновидности коллективного поведения и приобрела свое содержание.

Источником и началом определенного коллективного выступления является расхождение и напряженность между главными социальными институтами общества, прежде всего носящими мультифункциональный характер и существенным образом влияющими на состояние и эволюцию социальной системы. По форме проявления массовые движения подобны таким видам коллективного поведения, как паника и другие спонтанные выступления, то есть в их основе лежит страх или ненависть, следовательно, они в сути своей нерациональны. Внешний мир в сознании такой общности населяют злые силы с коварными намерениями, а поведение ее определяется ситуативными настроениями. Движения отличает склонность к интенсивному, но не продолжительному бунту, упование на моментальное решение проблемы, отсутствие оценки возможных последствий своих действий. В итоге такие выступления всегда носят антиинституционный характер и никогда не принимают институционализированный вид из-за неспособности их участников к кооперации, координации и организации собственных действий. Наивысшим уровнем их формализации являются ценности и нормы, которые, при благоприятных условиях, могут каким-то образом регламентировать коллективное поведение. Наличием ценностей и норм социальные движения отличаются от таких коллективных проявлений, как паника, массовое безумие и прочие ситуативные экстраординарные коллективные действия.

Правда, Смелзер предлагает более сложную классификацию социальных движений. Он исходит из таких детерминант коллективного поведения, как его сила, характер и направленность. Относительно движения это — общая структура, сила социальной напряженности, обобщенные верования, уровень консолидации и мобилизации, механизмы контроля. Зрелость социального движения проявляется, согласно данной схеме, в накоплении признаков. Чем их больше, тем более вероятно, что мы имеем дело не с панической толпой, озлобленной массой, разрушительным бунтом, а именно с социальными движениями.

Последние, по Смелзеру, могут быть революционными и реформистскими. Революционные движения нацелены на утверждение, защиту, модификацию ценностных ориентаций или создание новых на основе присущих

данной общности “обобщенных верований”. Такие ценностные ориентации могут принимать различные формы: на возрождение, реставрацию, модернизацию, мессианство, утопические преобразования. Специфической особенностью является однонаправленность, безальтернативность движения, неизменность раз и навсегда избранного пути, несклонность к предварительному анализу возможных потерь и достижений. Во главе таких выступлений могут быть только харизматические лидеры, а в основе их отношений с общностью, представляющей социальную базу движения, — эмотивное влияние, сила личного примера и психологическое побуждение. Поэтому в большинстве случаев такие движения завершаются культом личности, сектантским отчуждением лидеров от основной массы или жесткой диктатурой. Если авангард и масса отдаляются друг от друга, лидеры довольно часто образуют террористические и прочие нелегитимные или конспиративные структуры. А вот реформаторские движения, учитывая их акцентуации не столько на ценностях, сколько на регулятивных нормах, в зрелом виде составляют основу определенной “конвенционной структуры”, способной осуществлять позитивные, но локальные социальные преобразования.

Определенным достоинством предлагаемого Н.Смелзером и его единомышленниками аналитического подхода является попытка рассматривать природу социальных движений в сопоставлении с другими формами коллективной ажитации, а также стремление понять их функции и общественное назначение. В 60-х годах эта концепция, как и весь структурный функционализм в целом, заняла господствующие позиции в американской и, в определенной мере, в западноевропейской социологии.

Однако негативное впечатление производит общая эмоционально-оценочная окраска концепции, направленность на дискредитацию движений как социального явления. Они предстают как нечто патологическое, опасное и нежелательное, как случайное следствие некоей извращенности социальной ситуации или как разновидность коллективного безумия. С появлением безусловно уважаемых социальных движений (антивоенного, женского, экологического и т.п.) такие оценки стали восприниматься как явное недоразумение или анахронизм.

Пожалуй, здесь сказывается панэлитный подход, поскольку движения понимают как продукт в основе своей неразумной народной жизни, нечто вроде подземных вулканических выбросов темных сил из глубин социальной бездны. Следует также отметить механическое сочетание абстрактного функционализма с таким же абстрактным психологизмом, поскольку движения рассматриваются лишь со стороны их формально фиксированных коллективных возбудителей, без анализа содержания мотивов, ожиданий, стремлений, не удовлетворенных потребностей и других вызвавших их факторов. Вполне очевидно просматривается также своеобразный эмоционально-методолого-идеологический антимарксизм: то, что в марксизме оценивается однозначно положительно, здесь принимает сугубо негативную окраску. Наконец, слишком жесткое противопоставление ценностей и норм как регуляторов коллективного поведения выглядит, по меньшей мере, странным.

Вызывает возражения и явно идеологическое отождествление “нормального” с институциональным и конвенционным, а “ненормального” — со спонтанным, стихийным и самоорганизационным. В результате социальные движения трактуют как индикатор отклонения в естественном состоянии вещей. Такая методология заблаговременно “запрещает” истории любые инновации,

и даже притязания на них, ибо в контексте функционалистской парадигмы единственно нормальным оказывается стремление социальной системы к стабилизации, а в итоге — к стагнации. В этом пункте структурный функционализм приобретает вид вульгарного структурного детерминизма. Человеческая активность, прежде всего — коллективные акции, полностью выносятся за пределы исторического прогресса и его теоретического анализа [2].

Концепция “мобилизации ресурсов”

Определенной попыткой “спасти” структурно-функционалистскую методологию путем дистанцирования от ее неадекватного применения стало толкование социальных движений как механизма мобилизации социальных ресурсов. Идеино-теоретические истоки концепции “мобилизации ресурсов” кроются в политической социологии, в связи с чем социальные движения приобретают смысл одной из форм борьбы за власть. Частично это являлось отражением специфической ситуации в США 60–70-х годов, когда массовые выступления тут начали существенно влиять на политические процессы, а их идеи и требования становились составляющими государственной политики.

Оставаясь в общем русле функционалистской методологии, пытаясь в соответствии с этим, определить функцию и назначение социальных движений, сторонники концепции мобилизации ресурсов существенно расходятся в определении эмпирической базы и всего содержательного контекста анализа. Социальные движения рассматриваются уже не как стихийный и ситуативный взрыв потенциально или реально деструктивной направленности, а как рациональное (с предварительным подсчетом потерь и достижений) и конвенциональное (с нравственно-правовой регламентацией отношений и добровольным признанием устойчивого социального порядка) коллективное действие. И соответственно, социальные движения сравниваются не с панической толпой, самосудом или бунтом, а с действиями таких вполне рациональных структур, как группы давления, интересов или лобби. Социальные движения в этом контексте трактуются как проявление распространения последних, возрастания их силы и влияния. Изменяется и оценка качества коллективных действий: в них усматривают больше рациональности, рассудительности, альтруизма, продуманности, целеустремленности, наконец — больше социально положительных и конструктивных аспектов. Считается, что социальные движения стремятся повлиять на политические решения путем мобилизации (активизации, концентрации и кооперации) главного политического ресурса в демократических условиях — координированных действий консолидированных общностей, а также дополнительных ресурсов — финансовых, технических, информационно-пропагандистских, сервисных и т.п., то есть всех возможных средств влияния и давления. При этом, согласно данной концепции, социальные движения опираются как на уже формализованные структуры, так и на спонтанные и ситуативные массовые выступления, направляя их в желаемое русло.

Концепция “мобилизации ресурсов” отличается от концепции “коллективного поведения” и другими моментами. Прежде всего, это другая интерпретация источников коллективной активности. Речь уже идет не о структурной напряженности, отчуждении, социальном аутсайдерстве или коллективном возбуждении, а о рациональном и осмысленном коллектив-

ном ответе на изменение социальной ситуации и связанные с этим новые возможности. В этом понимании социальные движения выглядят как инициативные и инновационные политические агенты, которые задают импульс и вносят свои коррективы в политическую практику. При таком подходе социальные движения становятся естественным и необходимым компонентом политического процесса, его легитимной составляющей, а потому их следует анализировать и интерпретировать в пределах устоявшихся политико-аналитических подходов, терминологии и теоретико-прикладных задач (диагностики, прогнозирования и технологии действия). Они уже не выступают симптомами социальных бед, непоправимых управленческих ошибок и других кризисных явлений. Наоборот, наличие социальных движений рассматривается как индикатор социального благополучия, жизнеспособности, демократичности и открытости социальной системы. Благодаря им социальные меньшинства, периферийные общности и локальные группировки вовлекаются в “большую политику”, а их интересы и стремления легитимируются и получают определенное разрешение.

Иначе воспринимаются темп и критерии эффективности социальных движений, их влияние на ход социальных процессов. В наше время значение имеет не спонтанность, стихийность или уровень коллективного возбуждения, а организованность, порядок, дисциплина, привносимые активистами и лидерами. Принципиально неинституциональным является характер движений (здесь имеет место совпадение концепций), а значит, их регламентация и организация несовместимы с административно-бюрократическими средствами. Именно этим социальные движения принципиально отличаются от политических партий, которые представляют собой формально организованные структуры. В социальных движениях особое значение имеет консенсус, добровольное соучастие, моральное вознаграждение (одобрение, поддержка, престиж), формы воспитания и убеждения. Негативные проявления коллективных действий, преимущественно представленные в предыдущей концепции, теперь трактуются как отклонения, девиация, перерождение социальных движений или их побочные и нежелательные результаты.

Исходя из необходимости и легитимности социальных движений, сторонники концепции мобилизации ресурсов по-другому интерпретируют и их жизненный цикл. Речь идет не о ситуативном, случайном и кратковременном социальном явлении, а о неустрашимых, повсеместных и “вечных” спутниках демократического политического процесса, его предпосылках, результатах и критериях одновременно.

Тем не менее, и эта концепция не лишена определенных внутренних недостатков и ограничений. Избегая постановки вопроса об объективных факторах социального движения, она тоже превращает его в случайный всплеск коллективной активности непонятного происхождения и назначения. Следовательно, это скорее ответ на вопрос “как?”, оставляющий в тени вопрос “почему?”. В частности, не выявлено принципиальное отличие социального движения от таких конвенционных структур, как группы давления, влияния, интересов и лобби. В поле зрения концепции попадают преимущественно локальные коллективные выступления и микромасштабные группировки, делающие ее мало привлекательной для макросоциологии. Следует отметить также пренебрежение такими важными мобилизационными ресурсами, как политическая идеология и социальная утопия. Слишком большое значение здесь уделяется элитному авангарду, ли-

дерам, руководителям, активистам. Это лишний раз свидетельствует о том, что концепция мобилизации ресурсов принципиально не выходит за пределы идейно-методологического поля структурного функционализма, в большинстве своем, пользуясь результатами, уже полученными предыдущей концепцией (коллективного поведения), только иначе расставляя акценты.

Радикально-классовый подход

Идейно-теоретические истоки радикально-классовой интерпретации социальных движений идут от марксизма. Правда, у самого Маркса эта тема занимает довольно скромное место. Интерпретация социальных движений у него тесно связана с идеей абсолютного обнищания пролетариата и связанной с этим поляризацией богатства и бедности, власти и бесправия, культуры и невежества. В результате этих процессов на одном полюсе концентрируется подавляющее большинство обнищавшего населения, на другом — мизерная часть угнетателей и эксплуататоров. В контексте таких рассуждений историческая эволюция капиталистического общества должна приводить к полной дихотомии общества, в связи с чем вся социогрупповая структура сводится к двум противоположным классам, антагонистическое взаимодействие между которыми определяет направление исторической эволюции.

Такая модель представляется слишком схематичной, чтобы ее можно было использовать в теоретических исследованиях. Исторический опыт постепенно подводит к осознанию того, что класс одновременно может быть и субъектом классовой борьбы, и субъектом социального движения. Именно вокруг этого велась известная полемика между В.И. Лениным, с одной стороны, и К.Каутским и Э.Бернштейном — с другой. Ленин настаивал, что единственно возможной формой политической активности рабочего класса является классовая борьба, создание политической партии, насильственный захват власти и установление диктатуры пролетариата. Каутский же и Бернштейн исходили из того, что рабочий класс в первую очередь является субъектом социального движения. Его задача состоит в том, чтобы консолидировать вокруг себя все близкие к нему общественные слои, чтобы оказывать перманентное давление на власть с целью достижения социальной защиты наиболее обездоленных групп населения. Захват же политической власти и установление классовой диктатуры, по их мнению, сами по себе не гарантируют демократического контроля “снизу”. Именно в этом заключался знаменитый лозунг Бернштейна: “движение — все, цель — ничто”.

В советское время эта тема, несмотря на ее широкую представленность в вузовских курсах и учебных пособиях, теоретически почти не разрабатывалась. Практически феномены рабочего, социалистического и коммунистического международного движений отождествлялись и чаще всего просто описывались, а не объяснялись. Под социальными движениями понимали, собственно, массовые выступления во главе с коммунистическими или рабочими партиями. Их обязательным атрибутом считали антибуржуазную или антиимпериалистическую направленность и, по крайней мере кажущуюся, ориентацию на руководящую роль КПСС в мировом масштабе.

При этом неизменным оставалось утверждение о том, что основой социальных движений являются неудовлетворенные коллективные потребности. Поэтому они (социальные движения) всегда предстают как организованный коллективный протест против своего социального положения.

Расхождения в интерпретациях проявляются в том, как именно определенная общность может удовлетворить свои потребности: путем классового борьбы и диктатуры пролетариата (Ленин) или путем массового давления и демократического контроля (Каутский и Бернштейн). В некоторых случаях основой размежевания служит указание на появление новой группы с наиболее нарушаемыми интересами и неудовлетворенными потребностями, которая, в силу этих обстоятельств, становится “революционным авангардом”. Именно в таком плане рассуждал Г.Маркузе, утверждая, что революционной силой развитого индустриального общества становятся молодежь, безработные, “цветные” и другие социальные аутсайдеры.

Несколько упрощенной, и вместе с тем промарксистской в своей основе, интерпретацией проблемы социальных движений является концепция “классового радикализма” американского социолога К.Липсета, изложенная им в работе “Человек политический” [5]. Липсет пытается объединить классовый и функционалистский подходы. В результате такой операции социальное движение у него выступает как проявление “классового экстремизма” в форме “коллективного поведения”. Внутренне социальное движение враждебно институционализированной демократической политической борьбе, являясь ее отрицанием по форме и сути. Источником классового экстремизма становятся особенно неблагоприятная ситуация некоторой социальной общности и связанные с этим угрозы, недовольство и коллективные страхи. Однако эти угрозы не обязательно имеют катастрофические последствия, они служат необходимым моментом общей модернизации общества и связанного с этим перемещения социальных классов. В этом смысле социальные движения представляют собой нормальную коллективную реакцию на ненормальные общественные обстоятельства. Социальные движения — это нечто нормальное еще и потому, что они выражают социальную природу определенного общественного слоя, его ментальность, обычаи, образ жизни, в силу которых он не способен действовать по-другому. Социальное движение, вырастая на почве классового протеста, является рациональным и демократическим в той мере, в какой вообще может быть рациональным и демократическим коллективное поведение. Правда, социальную базу “экстремистских” движений, по Липсету, составляют “низшие” классы (угнетаемый и частично средний), а непосредственными участниками становятся представители самых незрелых категорий этих групп. Они более всего склонны к ситуативному радикализму и безответственному экстремизму, что и используют в своих целях радикально и экстремистски настроенные круги политической элиты.

Подобную объяснительную схему применяет и другой американский социолог Д.Паркин, рассматривая антиядерное движение как образец коллективного экстремизма “среднего” класса. Но здесь появляются новые мотивы. Опираясь на результаты прикладных исследований, Паркин вынужден был признать, что основу этого движения составляют образованные и разумные люди, осознающие свою историческую ответственность. Их уже нельзя отнести к маргиналам, экспрессивный радикализм которых непосредственно вытекает из их ненормального общественного положения. Хотя ценностные ориентации представителей антиядерного движения не были слишком распространены в обществе, они носили, безусловно, нравственный и прогрессивный характер. Поэтому их экстремизм приобретал авангардное звучание, в результате чего появились основания трактовать

социальные движения, по крайней мере некоторые из них, как инструмент исторического развития. Не имели они в своей основе и вульгарно понимаемого непосредственного экономического интереса и в целом не давали повода интерпретировать их в терминах социальных отклонений, патологической деструкции или коллективного безумия.

Правда, Паркин продолжает оставаться на позициях классового экономического детерминизма в духе Маркса. Поэтому и объясняет истоки коллективной мобилизации антиядерного движения расхождением между высоким культурно-образовательным и профессиональным уровнем его сторонников и низким экономическим и политико-властным положением. Тот факт, что программы и заявления этого движения не содержат непосредственно никаких экономических и политических требований, ученый объясняет обычным для этих слоев морализаторским идеализмом, традиционной склонностью приносить во все социальные проблемы ценностно-ориентационное содержание, абстрактностью и неосуществимостью в ближайшей исторической перспективе предлагаемых ими проектов, что придает им скорее символический, нежели практико-политический смысл.

Массовое общество и “тоталитарные движения”

К теоретическим истокам этого подхода относятся самые разные источники — от “Политики” Аристотеля, который усматривал опасность в неопределенности и потенциальном деструктивном могуществе возбужденной толпы, до таких классиков социологии, как Ф.Теннис, Э.Дюркгейм, Е.Фромм, Х.Ортега-и-Гассет, озабоченных проблемами интеграции индустриальных обществ. Это касается и всех современных социологов, которые специально исследуют причины и генезис различных форм социополитического тоталитаризма (Х.Арендт, Р.Арон, А.Турен и др.). Эмпирической базой анализа послужил исторический опыт тоталитарного перерождения общества, широкую панораму которого продемонстрировал XX век (нацизм, большевизм, исламский фундаментализм).

В определенной мере сторонники этой концепции опираются на отдельные постулаты концепции “коллективного поведения”. В частности, они признают нерациональную и неинституционную природу социальных движений и структурно-функциональные факторы, которые их порождают. Исходя из этого тоталитарные социальные движения трактуются как симптомы социоструктурной деструкции: деклассификации, деэтнизации или угрожающей атеизации населения. В основе этих процессов, по мнению приверженцев рассматриваемого подхода, лежит появление неструктурированной городской массы с утраченной или еще не приобретенной идентичностью, благодаря чему их коллективное поведение становится преимущественно эмотивным, ситуативным, стихийным и мало предсказуемым. Этому способствуют отсутствие сформированного среднего класса и посреднических и репрезентативных социополитических структур (партий, профсоюзов, общественных организаций и других добровольных ассоциаций населения), а также прочного государства, способного к легитимному установлению порядка.

Следовательно, исходным моментом тоталитарного движения, в контексте этого подхода, является полная или весьма значительная социальная дезорганизация, социоэкономический кризис и ценностно-ориентационный вакуум. Особое значение имеет также наличие харизматических лиде-

ров (этнических пассионариев, классовых вождей или религиозных пастырей). Предельной чертой тоталитарного движения является чрезмерное огосударствление общества, появление тоталитарной государственной идеологии или религиозной утопии, тотальный духовный контроль, уничтожение демократии и политико-идеологического или религиозного плюрализма, введение идеолого-религиозных критериев отбора и продвижения государственного чиновничества, принципов планирования и государственного управления в экономике, официально поддерживаемый перманентный идеологический энтузиазм или религиозный экстаз и т.п.

Субъектную структуру, побудительные факторы и социальные механизмы, приводящие к тоталитарному перерождению общества, разные авторы толкуют по-своему. Во всех случаях социальную базу тоталитарных движений усматривают в атомизированных, лишенных социокультурной идентичности индивидах, но причины указываются разные: появление массовидного городского люмпен-пролетариата (Арендт), слишком быструю индустриализацию и урбанизацию (Корнхаузер), фрагментацию культуры (распад традиционной культуры и появление субкультур), утрату этнокультурной самобытности и идентичности, криминализацию политических отношений и др.

Не совсем понятным, однако, остается ответ на вопрос: почему это происходит? То ли потому, что чрезмерно массовое движение само по себе, вследствие своей тотальности, уже содержит потенциальную угрозу тоталитарной деформации; или же потому, что во главе массового движения появляется сомнительный в моральном смысле политический авангард; либо тоталитарный режим появляется вследствие случайного перерождения “нормального”, хоть и довольно массового, социального движения. Считают, что значительную, если не определяющую, роль в этом играет тот факт, что мобилизационной духовной основой тоталитарных движений выступает социополитическая, этнокультурная или религиозная утопия. На этапе собственно движения она способна объединить значительные массы населения, мобилизовать на мощные социальные выступления. А превратившись в государственную доктрину, “утопию при власти”, она может исказить до неузнаваемости взаимодействие государства, власти и социогрупповой структуры общества. Все это свидетельствует о том, что концепция тоталитарных движений, как и проблема тоталитарных обществ вообще, требует дополнительных исследований.

Социальные движения как разновидность конфликтно-консенсусного взаимодействия

Идейно-теоретическим источником указанного подхода можно назвать идеи трудов молодого Маркса и понимающей социологии Вебера. Хотя и те, и другие претерпевают тут существенную реинтерпретацию. Эмпирической основой исследования стало появление таких относительно новых форм коллективного действия, как студенческие выступления 60-х годов, антиядерные, антивоенные движения, современный феминизм и экологическое движение. В наиболее развитом виде эта концепция, которую в значительной мере разделяет и автор, представлена в акционализме современного французского социолога А.Турена [4; 5].

Вкратце она сводится к следующему. Социальные движения являются нормальным и естественным моментом исторического процесса, наиболее

цивилизованной, на данный момент, формой решения назревших социальных разногласий и конфликтов. Социальное движение — это сложная социогрупповая структура, объединяющая определенные социальные общности схожего общественного положения и ценностных ориентаций. В большинстве случаев основу социального движения составляет центральная группа (инициатор движения), что, как правило, и определяет его название (рабочее, женское, молодежное). Функцией социального движения является культурно-ценностная переориентация общества на новую историческую перспективу. Поэтому духовной почвой движения является некая социальная утопия. Это принципиально отличает социальное движение от классовой борьбы, основывающейся, в первую очередь, на протестной или апологетической идеологии, теоретически выражающей материальные интересы класса. Социальная утопия — это средство самоопределения общества относительно собственного будущего. Она служит орудием консолидации и мобилизации гомологичных (схожих по определенному признаку) групп в единый коллективный субъект. Социальная утопия является также почвой для культурно-ценностного консенсуса, поскольку выражает общее стремление и определенное осознание исторической перспективы. Вместе с тем это — конфликтное взаимодействие, свидетельство реального различия интересов, что касается вклада и вознаграждения в связи с реализацией некоего проекта будущего. Однако решение этого конфликта предполагает не антагонизм и борьбу, а путь компромиссов, конвенций, баланса интересов. Следовательно, социальное движение — это социотворческий процесс, средство цивилизованных (законных и мирных) социальных преобразований. В современных индустриально развитых демократических обществах социальные движения частично дополняют, а еще в большей мере заменяют классовую борьбу, поскольку они способны решать классовый конфликт гораздо более цивилизованным способом. Возможно, в будущем (постиндустриальном, информационном) обществе они станут главным механизмом решения социальных конфликтов и основой исторического развития [подр. см.: 6].

Как показывает анализ, единства среди социологов по поводу интерпретации социальных (исторических) движений пока что нет. Частично это объясняется неоднозначностью самого феномена социальных движений, существенно различающихся по своей структуре и влиянию на ход социальных и, особенно, исторических процессов. Частично это следует из различий применяемых методологий исследования. На повестке дня, по мнению автора, — проблема сравнения социальных движений и их классификации, а в конечном счете — согласование, насколько это возможно, применяемых различными направлениями социологии исследовательских парадигм.

Литература

1. *Smelser N.* Theory of Collective Behavior. — N.Y., 1963.
2. *Han A. J.* Alain Tourain, Manuel Castel and Social Mouvement Theories: A Critical Appraisal // The Sociology Quarterly. — 1985. — Vol.26. — № 3.
3. *Overschall F.* Social Movements: Ideologie, Interests and Identities. — L., 1993.
4. *Tourain A.* La sociologie de l'action. — P., 1965.
5. *Tourain A.* La production de la societe. — P., 1973.
6. *Гавриленко I.M.* Соціологія. Кн.2: Соціальна динаміка. — К., 2000.